

АФГАНИСТАН В ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

© 2020 Алави Сайед Ага Реза

Парванский университет (г. Парван, Афганистан)

В статье освещаются ключевые аспекты внешнеполитического курса Великобритании второй половины XIX – начала XX в Афганистане, исследуется его эволюция – от попыток Британской империи поставить Афганистан под свой полный контроль до отказа от вмешательства в его внутренние дела и присоединения афганских территорий.

Ключевые слова: Афганистан, Великобритания, англо-афганские войны, разграничительные комиссии, линия Дюранда, государство-буфер.

Афганистан, как объект внимания внешнеполитической деятельности Англии, представлял для последней двоякий интерес: во-первых, с точки зрения защиты северо-западных границ Британской Индии, а, во-вторых, как территория, через которую шла транзитная торговля со Средней Азией и Хорасаном. Данные факторы предопределяли настороженное отношение англичан к любым попыткам третьих государств дипломатическим или военным путем усилить свое влияние в Афганистане.

Так, уже в 1830-е гг. в официальных кругах Британской империи наблюдается формирование русофобских тенденций [1]. Главными причинами кризиса русско-английских отношений было оказание Россией помощи султану Османской империи Махмуду II в его противостоянии с правителем Египта Мухаммедом Али, а также русско-афганские переговоры 1837 г., инициатором которых выступила афганская сторона, рассчитывавшая на российскую поддержку в связи с активизацией сикхов. В октябре 1838 г. лорд Окленд, генерал-губернатор Индии, заявил, что «необходимо создать (имея в виду Афганистан – А. Б.) постоянный барьер против поползновений на нашу северо-западную границу Индии» [2, 2].

Начавшаяся в декабре 1838 г. англо-афганская война закончилась поражением англичан, но в 1857 г. был заключен дружественный договор с афганским эмиром Дост-Мухаммедом, давший надежду на реализацию главной цели Англии – создания из Афганистана сильного буфера. Однако энергичная наступательная политика России на

Кавказе и в Туркестане, приведшая, в частности, к уступке Бухарским ханством России по договору 1868 г. Самарканда, существенно изменила английские планы, переориентировав их на расширение колониальной экспансии за пределы северо-западной границы Индии и открытое включение Афганистана в сферу английского влияния. В то же время, возбуждение английского общественного мнения, связанное с появлением меморандума сэра Роулинсона 1868 г. о неумолимом приближении России к Индии, подтолкнуло английское правительство к переговорам с российской стороной относительно ее дальнейших планов в данном регионе, в результате которых появилось соглашение 1873 г., по которому Россия признавала р. Амударью от оз. Зор-Куля до впадения в нее р. Кокчи, северной границей Афганистана.

1878 г. ознаменовался началом второй англо-афганской войны, главной целью которой являлось достижение максимально полного контроля над Афганистаном. Как и в первой войне, англичане не достигли желаемого результата – по Раваль-Пиндскому договору 1880 г. они отозвали свои гарнизоны из Афганистана, сохранив, при этом, право политических сношений с последним. Как замечал член Лондонского Королевского географического общества А. Гамильтон, «во время этих длительных занятий афганскими делами (имеется в виду англо-афганская война 1878-1880 гг. – А. Б.) Россия сделала значительные успехи в Средней Азии, где ей оставалось довершить лишь последние штрихи, что и произошло при взятии Мерва в 1884 году» [2, 9].

Блестящие победы русской армии 1884-1885 гг. – взятие Мерва, Пули-Хатум, Зюль-

Алави Сайед Ага Реза – Парванский университет, старший преподаватель кафедры истории, факультет социальных наук, alawi1709@gmail.com.

фагара, Ак-Рабата, продвижение к оазису Пендэ – показали английскому правительству ошибочность его представлений о том, что удовлетворение колониальных интересов Англии лежит в плоскости покорения Афганистана, поставив в центр внимания азиатскую политику России и проблему урегулирования англо-русских отношений по афганскому вопросу. Во второй половине 1880-х гг. Англия, в надежде остановить Россию, обращается к силе дипломатии. В 1884 г. начала работу разграничительная комиссия по определению северо-западной границы Афганистана, завершившаяся в 1887 г. подписанием протокола, по которому она была определена от Герируда до Амударьи по линии Ходжа – Салех – Зюльфагар. В состав Афганистана вошел т.н. Ваханский коридор – северо-восточный край, отделявший владения Российской империи от Британской Индии. В 1895 г., по результатам работы Памирской комиссии, была установлена граница с Афганистаном и на Памире.

Параллельно Англия значительно активизирует свои наступательные действия в приграничных районах Афганистана, объясняя их насущной необходимостью обороны Индии. Сумев овладеть основными позициями в Белуджистане и землях ряда пуштунских племен, англичане потребовали от афганского эмира Абдур-Рахмана «отказаться от притязаний на территорию независимых пограничных пуштунских племен и прекратить поддержку проходивших там антианглийских выступлений. Эмир, как справедливо замечает О. И. Жигалина, – не будучи заинтересован в дальнейшем обострении отношения с Англией, официально отказался от включения полосы независимых племен в состав Афганистана» [3, 120]. В 1893 г. между афганским эмиром и Англией был заключен договор, по которому пуштунские племена «независимой полосы» – территории между Афганистаном и Британской Индией, т. е. Читрал, Дир, Сват, Баджаур, Вазиристан и ряд других – оказались за линией Дюранда, т. е. были включены в состав Британской империи [4, 348].

Со смертью Абдур-Рахмана возобновляются попытки англичан утвердить свое положение и в самом Афганистане. В частности, в 1905 г. в Кабул была направлена миссия сэра Л. Дена для заключения нового договора вместо аннулированного смертью предыдущего эмира. Требования англичан включали: «замену туземного агента при кабульском дворе официальным английским посольством; допущение английских инженеров к непосредственному руководству

фортификационными работами на границах с Россией; продолжение железной дороги от Кветты до Кандагара; соединение Кабула с Индией телеграфом» [5, 111]. Из архивных источников известно, что новый эмир Хабибулла на предложения английской стороны ответил: «Жители Афганистана – люди ненадежные, хотя сам я отношусь к англичанам дружелюбно и не даю доступа в свое государство другим иностранцам. Кабул – важная крепость и если я не допускаю туда русских и других чужеземцев, то не хочу также, чтобы ваши войска и железные дороги были в моем государстве» [6]. Уклончивый ответ эмира, безусловно, вызвал негативную реакцию англичан, которые решили пустить в ход весомый, на их взгляд, аргумент «русской угрозы», напомнив, что «Россия прекратила войну с Японией и вознамерилась ввести порядок и предпринять активные действия на границах Бадахшана и Индии», для чего уже «привезла на эту границу легкие пушки и военные припасы».

Однако, проявив известную твердость, Хабибулла не согласился на английские требования, что, в конечном итоге, привело лишь к автоматическому продлению действия всех договоров, заключенных между Абдур-Рахманом и индийским правительством на срок царствования Хабуллы. О растущей напряженности в англо-афганских отношениях свидетельствовал и тот факт, что новый эмир Афганистана пожелал, по сведениям российского генконсула в Мешехе, наладить сношения с Россией, от которых он «до сих пор так упорно уклонялся». Отметим лишь, что российская сторона отклонила заманчивое предложение Хабибуллы о присылке посольства для дружественных переговоров в опасении выступления англо-индийских войск, хотя и не исключала негативную реакцию эмира на сделанный отказ, который, во-первых, «мог быть рассмотрен как кровная обида», а, во-вторых, подтолкнуть Хабибуллу «в объятия Англии».

Важно отметить, что настойчивость англичан в начале XX в. в афганских делах была предопределена приходом во власть политиков новой волны – лордов Д. Керзона, с 1899 г. вице- короля Индии, и Г. Китченера, с 1902 г. главнокомандующего британскими войсками в Британской Индии. Оценивая роль названных лиц в изменении политики Англии по отношению к Афганистану, начальник Генштаба Российской империи генерал-лейтенант Ф. Ф. Палицын

замечал в своем письме главе МИД России В. Н. Ламздорфу: «...до 1904 г. в английских высших военных кругах преобладал тот взгляд, что оборона Индии должна быть ведена более или менее пассивно... Предполагалось в самых общих, и далеко неясно определенных чертах, что в случае войны с Россией могут играть роль вне-Азиатские театры военных действий, например, Балтийское море, Черноморское побережье и т. п. Но лорды Керзон и Китченер все это сразу изменили... Прежде всего, они установили и выработали, как основную данную, то главнейшее предположение, что в случае войны с Россией главным и почти единственным, во всяком случае, решающим театром военных действий должна служить Средняя Азия» [7].

По мнению Палицына, этот новый взгляд должен был придать Афганистану совсем иное значение – «передового театра» обороны Индии, положение в котором будет улучшено с точки зрения военно-инженерной, путей сообщения, реорганизации и усиления армии. Не исключал начальник Генштаба и возможности вынесения линии обороны вперед – «к Чар-Вилайету и Бадхызу, т. е. к самым русским границам». Однако российские дипломатические источники, применительно к планам англичанам, утверждали обратное: «Конечно, поход в Афганистан был бы делом далеко не шуточным, афганское войско, благодаря стараниям покойного эмира, уже далеко не тот сброд, с которым англичанам пришлось иметь дело в 1879 г., но, тем не менее, едва ли можно сомневаться в том, что англо-индийская полуторастотысячная армия под руководством энергичного полководца сравнительно легко раздавила бы небольшое войско эмира и партизанские отряды афганцев. Настоящее либеральное министерство великобританское, – утверждал генконсул в Мешед, – несомненно чуждо всяких агрессивных намерений и в душе не сочувствует никаким авантюрам империалистов» [8]. Ему вторил и русский посол в Англии гр. А. К. Бенкендорф, сообщавший, в секретном письме от 12/25 декабря 1906 г., что «... и бывший министр иностранных дел лорд Лансдоун, и сэр Эдуард Грей неоднократно словесно заверяли меня в том, что в планы Великобританского Правительства вовсе не входит намерение посылать военных инструкторов в Афганистан, или же изменять созданное для этой страны положение государства-буфера» [9]. Убежденность самого

Бенкендорфа в отсутствии агрессивных замыслов у англичан базировалась, с одной стороны, на факте наблюдавшегося улучшения в русско-английских отношениях, с другой известной враждебности афганских эмиров и афганского народа в целом «не только всякой мысли об изменении политического status quo в Афганистане, но даже и всякой попытке экономического проникновения Англии в эту страну».

Действительно, в 1906 г. между послом Англии А. Николсоном и главой МИД Российской империи А. П. Извольским начались длительные переговоры, имевшие своей целью разрешение застарелых проблем по афганскому, персидскому и тибетскому вопросам. Учитывая заинтересованность английской стороны в Афганистане, министр финансов Коковцов в особом совещании по соглашению России и Англии по афганскому вопросу предложил «определенно заявить Англии», что Афганистан лежит вне сферы российских интересов, потребовав, однако, гарантий с ее стороны в том, что она «не будет присоединять афганскую территорию, не будет занимать отдельные ее части и воздержится от всякого вмешательства во внутренние дела страны», а также «не предпримет в Афганистане никаких действий, направленных против России» [10, 75]. Окончательную точку в английских планах относительно Афганистана поставило русско-английское соглашение 1907 г., согласно которому Британское правительство обязалось не вмешиваться во внутреннее управление афганской территорией, не присоединять или занимать какую-либо часть Афганистана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gleason J. H. The Genesis of Russophobia in Great Britain / J. H. Gleason. – Cambridge, 1950.
2. Гамильтон А. Афганистан / А. Гамильтон. – СПб., 1908.
3. Жигалина О. И. Великобритания на Среднем Востоке. XIX – начало XX в. / О. И. Жигалина. – М., 1990.
4. Дипломатический словарь / под ред. А. А. Громыко, А. Г. Ковалева, П. П. Севостьянова, С. Л. Тихвинского. – М., 1985. Т. 1.
5. Цит. по: Рейснер И. М. Афганистан. – М., 1929.
6. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 147. Оп. 485. Д. 747. Л. 3.
7. Там же. Ф. 147. Оп. 485. Д. 747. Л. 98об-99.

8. Там же. Ф. 147. Оп. 485. Д. 747. Л. 141об-142.

9. Там же. Ф. 147. Оп. 485. Д. 747. Л. 239.

10. Цит. по: Воронкова И. Е. Доктрина внешней политики партии конституционных демократов. – М., 2010.

AFGHANISTAN IN THE POLICY OF GREAT BRITAIN: THE SECOND HALF OF 19TH – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

Alavi Sayed Agha Reza

University of Parvan (Parvan, Afghanistan)

In the article the key aspects of the foreign policy of Great Britain of the second half of 19th – the beginning of 20th in Afghanistan are considered, the policy evolution beginning from the attempts of the British Empire to take Afghanistan under complete control till the renunciation of intervention in its internal affairs and annexation of the Afghan territories is investigated.

Keywords: Afghanistan, Great Britain, Anglo-Afghan wars, demarcation commissions, Durand line, buffer state.